

Клубные встречи

На грохочущем, беспокойном, летящем неведомо куда проспекте Мира Дом моды Славы Зайцева кажется островком благополучия в океане неустроенности, символом вкуса и красоты (которая вряд ли спасет мир, но очаровать может) на фоне торжествующего китча и уродливости нашей жизни. Это ощущение не оставляет и внутри Дома. На стенах — многочисленные свидетельства всем известных успехов и не всем известной страсти: фотографии последней коллекции «Воспоминание о будущем» (гармония и образы золотого XIX века, века тургеневских девушек) и картины Вячеслава Зайцева — очарование женских лиц, сказочные образы, авангардные конструкции. А сам Зайцев неожиданно признается: «Я вообще-то про моду не очень люблю говорить».

Вячеслав
ЗАЙЦЕВ:

Взр. клуб. - 1995 - 17 авг. - с. 7

«В России никогда не было моды и на сегодняшний день не предвидится»

— Вячеслав Михайлович, картины, которые висят на стенах вашего офиса, предшествовали рождению ваших новых моделей?

— Это совершенно отдельная область. И вообще я модельером стал случайно. Я художник по своей природе и в течение 30 лет убивал в себе желание рисовать. Меня больше увлекает живопись, графика, я мечтал бы заниматься скульптурой. Но жизнь не сложилась. И в свободное от работы время, когда настроение фиговое, я рисую, чтобы выплеснуть свое настроение. А когда оно хорошее, я тоже рисую — красивые вещи. Но в основном рисую, когда плохое, поэтому и получается такой сюрреалистический реализм или метафизическая живопись. Я ухожу куда-то в астрал и там отдыхаю, потому что на земле не могу найти отдохновение души.

— Говорят, вы еще и стихи пишете.

— Да, есть такое дело. Это тоже случайно. Все, что у меня есть, все от Бога. У каждого есть что-то от Бога, но у меня, вероятно, больше. Бог любит меня, потому что я очень искренен и люблю свое дело, и живу ради работы и ради людей.

— И все же зачем нужно было убивать в себе желание рисовать ради создания одежды?

— Вероятно, так было угодно Богу. Потому что в то время должен был появиться художник-модельер, способный стать символом России на определенном этапе ее развития. Потому что никогда в России не было человека, который оказался бы на уровне западно-европейских мастеров. Мне, с одной стороны, повезло, с другой стороны, я отказался от личной жизни, поскольку работа заполняет весь мир. Я не отдыхаю уже лет семнадцать или восемнадцать.

— А к своим сотрудникам вы тоже предъявляете такие суровые требования?

— У меня очень жесткие условия. Работа, тренировки, классы, репетиции на образности, на чувственности. Я хочу подарить им то, чем владею сам, — ощущение прекрасного, умение войти в этот мир и донести его до других, умение чувствовать партнера, соперничать. Это совершенно новая школа в отличие от той, где манекенщицы ходили, как вешалки. Для меня очень важен чувственный ряд,

который несет актриса на сцене. Многие говорят, зачем вам этот спектакль — люди смотрят на действие, забывая про модель, неужели у вас нет амбиций? А я отвечаю, что нет. Я создаю одежду для определенного микромира. Это моя мечта, которую я, собственно говоря, и реализую. А зачем — не знаю, может быть, потому, что сам хотел быть артистом, но не состоялся, и потому создал свой театр, где я и режиссер, и сценарист, и звукооператор, и хореограф. Хотя изредка я приглашаю людей, которые помогают мне разбираться, ведь в чем-то я дилетант.

— И кто же из них является для вас действительно авторитетом?

— Я раньше приглашал людей из театра и балета, но понял, что это все не мое. Пожалуй, самый интересный человек из тех, с кем я работал, это Валя Гнеушев, который совпадает со мной по ощущению присутствия чувственности. Я считаю его одним из самых ярчайших режиссеров-постановщиков нашего времени. Хотя тогда он был еще совсем юным. А сегодня, когда он вдруг приходит ко мне на репетицию, мне всегда очень лестны его замечания, и я рад, если мои артисты-манекенщики, девочки-мальчики могут выслушать и принять их, потому что эти замечания очень мудрые и точные. А так в основном справляюсь сам.

— Весь мир видит на подиуме ваши модели. А потом люди выходят на улицу и видят совсем другое...

— Одни модельеры работают на покупателя, корректируя и улучшая существующие стереотипы. Эти стереотипы мы видим постоянно: либо трапеция для людей, влюбленных в объемную живую одежду, которая обволакивает, создавая вокруг женщины какой-то странный, непонятный ореол; либо приталенный силуэт, дающий возможность женщине подчеркнуть фигуру, если она у нее есть; либо прямой, подхваченный поясом, покрой, который мы называем спортивным. Для женщин среднего и старшего возраста очень подходит полуоблегающий очень изысканный силуэт (силуэт принцесс, как мы его называем) — маленькая, аккуратная линия плеча, прямая рука, легкое, очень деликатное прилегание к телу и груди — слегка касаясь талии, чуть-чуть лаская бедро и расширяясь книзу.

Но пришло новое поколение, которое отрицает эти стереотипы. Возникают многоярусные силуэты — под короткое пальто надевается туника, под нее какая-то рубашка, оттуда еще брюки торчат или юбка с какими-то рейтузами, собранными в форме носка, какая-нибудь невероятная сумка и шляпа поверх платка — такая вот «капуста». Но это уже совершенно другая тема для разговора — одежда, которую диктует улица.

— Но ведь это и называется модой.

— Меня же не интересует мода в чистом виде, меня волнует стиль. Для нашей страны вообще не характерно присутствие моды в промышленности, в системе магазинов. Ее просто нет — моды! Мода — это программа всех отраслей: легкой, текстильной, кожевенной, обувной, химической, согласованная с тем, что предлагаем мы, художники-модельеры. Допустим, мы говорим, что в этом сезоне будет популярен классический стиль (приталенный силуэт, удлиненный жакет, прямая юбка или юбка в складку), а цветовая гамма — к примеру, розовые, зеленые, и бежевые оттенки. И в скором времени, придя в магазин, вы видите эту гамму и в тканях, и в готовых вещах, и в аксессуарах. Только тогда можно серьезно говорить, что в этой стране есть мода. В России, в Советском Союзе никогда не было моды и на сегодняшний день не предвидится. Есть отдельные прекрасно работающие художники, выражающие свое отношение ко времени через костюмы. Я и раньше считал, что говорить о моде вредно, а сегодня это было бы определенным цинизмом. Хотя, пока будет жив человек, он будет интересоваться модой, потому что желание нравиться — естественное желание человека. К тому же мода — явление сезонное, что тоже не характерно для России, поскольку здесь

люди не имеют столько средств, чтобы каждый сезон менять одежду, да и дома наши не смогут вместить в себя такой гардероб.

— Тем не менее вы не только не уезжаете на Запад, несмотря на тамошний успех, но и предпринимаете акцию по поднятию престижа нашей текстильной промышленности.

— Я прежде всего русский человек, и когда я получил возможность выехать за рубеж, то понял, что никогда не смогу там жить. Менталитет не мой (я уже за 57 лет воспитан этим обществом), люди там для меня скучны, а изобилие только кажущееся. А потом от этого изобилия начинаешь тошнить, становишься скучно. Мне интересно постоянно находиться в проблемах: в поисках фурнитуры, ниток, подкладки. Из-за отсутствия того, другого, третьего ты постоянно находишься в творческом поиске, потому что если в течение тридцати лет ты работаешь с одной и той же тканью трех-четырёх цветов, нужно такие новые формы изобретать, чтобы они хоть как-то отличались от всего предыдущего.

А там есть все. Безусловно, это потрясающая экономика времени, но — скучно! Там такие красивые ткани — они сами диктуют художнику, что нужно делать, и не хочется фантазировать, хочется сделать три дырки, два шва, надеть и пойти. Что, собственно, и происходит сейчас в моде, особенно авангардной: огромное количество тряпок, наброшенных на плечи. И вообще, если говорить серьезно, будучи в Париже на кутюре, я понял, что главенствующую роль сегодня в моде играют ткани. Мы к этому не приучены. В свое время я говорил, что нет плохих тканей, есть плохие художники. Там же я увидел хорошие ткани, которые портят художники.

— Ваш сын Егор пошел по стопам отца. Можно ли то же самое сказать про вас и ваших родителей?

— Мои родители не имеют никакого отношения к моде. Моя мама родилась в Ивановской области, мечтала стать актрисой, когда-то в двадцатые годы даже работала в крестьянском театре, а потом ушла в ткачихи. После войны, на которой отец попал в плен, а потом в наш «плен», она работала уборщицей, прачкой. В общем, я родился и вырос в условиях более чем тяжелых. До восемнад-

цати вообще не знал, что такое одежда, а носил какие-то обноски, которые мама брала у тех, кому стирала белье. Я рос в полной нищете и голоде, но мама была очень светлым человеком. Она приучила меня к песне, я вместе с ней ходил петь в хоре, потом во дворе пионеров я пел, танцевал, читал стихи. Я вообще был очень веселым мальчиком и не просто жил, а как будто проживал какое-то великолепное мгновение. Я не помню детства тяжелого, а помню только этот праздник, когда я выходил на сцену. (Я пел в восьми хорах: хор большевиков, милиционеров, почтовых работников. У нашего руководителя было восемь коллективов, и я везде был запевалой). Я абсолютно не помню плохого, а только свет и маму, которая дарила мне тепло, нежность, любовь к природе, приучала меня к литературе, музыке. А Москва меня только ожесточила (не хочу сказать — сделала жестоким) и научила защищаться, потому что я был очень беззащитным и всегда от этого страдал.

— И от кого вам приходится защищаться?

— Да от всех. Я привык людям делать добро, и когда меня предают, я становлюсь очень жестким и отсекаю человека сразу, а это, как правило, большая потеря, потому что, работая с человеком, вкладываешь в него душу, силы, здоровье, деньги.

— А как вы отнесетесь к тому, что ваша манекенщица вдруг уедет по контракту на Запад?

— Я буду счастлив. По большому счету мне от них ничего не нужно, потому что желающих работать у меня огромное количество. Я их делаю и легко с ними расстаюсь. Только больно, когда приходится выгонять за беспардонность, жестокость к коллегам, за какое-то неумное мародерство, которое они себе позволяют, когда выезжают на Запад, за неуважение к имени. Жалко, потому что иногда приходится увольнять талантливых. Но я не могу давать своим людям повод заражаться дурными примерами. Современное поколение удивительно похоже на нормальных людей. Но, увы, я привык к тому, что если вдруг кто-то проявит чувство солидарности или элементарное внимание, принесет вдруг кусок хлеба, зная, что я их всех накормил, а о себе позаботиться забыл, — это редчайший случай. Я тогда рассыпаюсь в невероятной благодарности.

— Вячеслав Михайлович, существуют ли для вас в моде какие-то табу — в сочетании цветов, степени открытости, форме?

— Нет, меня только раздражает безвкусица, безвкусица вообще: несоответствие предметов в ансамбле, присутствие в интерьере каких-то вещей, которые «орут», раздражают глаз. Масса вещей может вызывать у меня агрессию. Например, приходит женщина, а у нее губная помада совершенно не гармонирует с ее внешностью. Я ей обязательно скажу: «Ну-ка быстро сотри, возьми другую и перемажься». Я не могу потом у нее за спиной сказать: «Ну и намазалась же!» Люди часто обижаются, но я это делаю от чистого сердца, чтобы оградить человека в дальнейшем от неприятных разговоров со стороны.

— А как вы оцениваете манеру одеваться нашей элиты, как политической, так и артистической?

— Я их не замечаю, а значит, они одеваются так, что мне просто не интересно.

— А сами где одеваетесь?

— Исключительно у себя. Покупаю только аксессуары: обувь, носки, галстуки.

— На Западе?

— А где же еще?!

— Вы не могли бы вспомнить ваш первый показ на Западе?

— Это был 88-й год, показ коллекций «от кутюр». Меня пригласила мадам Кармен, будучи в моем Доме со своей коллекцией. Она увидела тогда мои модели в салоне на продаже и спросила: «Славочка, почему вы не показываете это в Париже?». — «Меня никто не пригласил». — «Я вас приглашаю». — «Это замечательно, но меня уже приглашал Карден, и ничего из этого не вышло» (он даже оплатил мое присутствие, но я 20 лет был невъездной). Но я действительно через три месяца уже был в Париже на показе «от кутюр» в ее коллекции. Это был первый огромный успех, после чего я получил грамоту почетного гражданина города Парижа, подлинную Жакм Шираком, тогда мэром города, а сегодня президентом Франции. А через год я, первый русский художник, стал членом французской ассоциации «От кутюр», поскольку до этого был признан человеком года моды мира.

В гостях побывала
Ольга ФУКС.